

Буква Ё просится на страницы “ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА”

Виктор ЧУМАКОВ

Уселись, и возок почтенный,
Скользя, ползёт за ворота
“Простите, мирные места!
Прости, приют уединенный!
Увижу ль вас?..” И слёз ручей
У Тани льётся из очей.

А.С. Пушкин

Вопрос о том, можно ли изменять, а тем более исправлять орфографию Пушкина, волнует общественность уже не менее 150 лет. Это волновало и самого Александра Сергеевича, который в письме к брату и сестре от 27 июня 1821 г. горько сетует, что “Чёрную шаль” “чорт знает как напечатали”. А издатели первого собрания его стихотворений (1826 г.) извиняются перед поэтом и перед публикой, что “по недосмотрению корректора” в книге допущены “значительные типографские ошибки”. Хорошо известно, что Пушкин следил за отпечатанными сочинениями друзей, проверял текст, указывал ошибки, а некоторые произведения сам корректировал.

В.И. Чернышёв, член Комиссии по вопросу о русском правописании и автор изданного в 1907 г. труда “Из истории русского правописания”, писал: “Прежде всего нужно решить общий вопрос: имеем ли мы право, говоря о печатных текстах Пушкина, *называть орфографию книги орфографией поэта*. Книга печатается не всегда с подлинной рукописи, а набранная в печати, она не всегда корректируется самим автором... Выражение: “так писал Пушкин” вместо: “так напечатано в таком-то издании сочинений Пушкина”, можно понимать в крайнем случае как условный словесный оборот, стоящий на месте другого более точного”. Преподаватель Санкт-Петербургского Благовещенского городского училища Чернышёв с горечью замечает: “Мы имели много случаев убедиться в печальной истине, что правщики пушкинских текстов очень часто делали совершенно не нужные или даже крайне неудачные поправки, а также во множестве случаев под видом правописания исправляли язык и слог великого поэта”. Он приводит 50 примеров искажений текстов поэта, оказавшихся в издании под редакцией Морозова 1887 г. Например, такие: в первопечатном тексте — два дни, а у Морозова — два дня и соответственно: Цареградского Салтана — цареградского султана, генеральный Судия — генеральный судья, Марія — Марья, какого роду — какого рода, татаре — татары, Памфиловна — Панфиловна и т.д.

В свете вышесказанного автор прекрасно осознаёт всю полноту ответственности, предлагая напечатать наконец-то текст “Евгения Онегина” для народа и с буквой ё, и со знаками ударения везде, где современная норма стала иной, чем в пушкинские времена. Корифеи русского языка академики Л.В. Щерба и В.В. Виноградов в своих трудах смело и абсолютно справедливо расставляют букву ё и значок ударения в таких всем знакомым строках:

*Встаёт купец, идёт разносчик,
На биржу тянется извозчик...*

*И вот в избе между слугами
Поднялся шум, прощальный плач...*

Ничего не стоит написать разъяснение, что это ударение сейчас уже не норма, а тогда, в эпоху Пушкина, бытовало. Кроме этого, отдавая дань уважения современному читателю, за что Александр Сергеевич был бы нам благодарен, нужно существенно дополнить его примечания к поэме и вынести часть из них в подстрочные примечания, причём не только

в академических или учебных изданиях. Кто сейчас знает, что такое или кто такие *архивны юноши, эклога, цевница, Гарольдов плац, васисдас, мадригал, in-quarto, Автомедон, анахорет, двойной лорнет*, или понимает заложенный в них смысл, а подобных слов в гениальном творении поэта немало. Наверное, следует подумать о включении в тексты для широкой публики и некоторых комментариев знаменитых пушкиноведов: Юрия Михайловича Лотмана, Владимира Владимировича Набокова и др.

“Что ж начинать?” — Начнём, пожалуй...

И начнём с первой же строфы.

“...Вздыхать и думать про себя:

Когда же чёрт возьмёт тебя?”

У Пушкина было *чорт* и, конечно, *возьмет*. Ради Бога, простите одну из черт моего характера — занудство, но печатать сейчас нужно только: *“чёрт возьмёт”*, если мы уважаем всех читателей, говорящих на русском языке.

Он по-французски совершенно

Мог изъясняться и писал:

Легко мазурку танцевал

И кланялся непринужденно;

Чего ж вам больше? Свет решил,

Что он умён и очень мил.

Есть ли хоть какой-нибудь запрет в правилах русского языка не ставить знак ударения в архаизмах? Такого не обнаруживается, а поэтому за напечатанное *непринужденно* очень многие скажут нам спасибо. Так же и за то, что юный Евгений был *“умён и очень мил”*.

...С учёным видом знатока

Хранить молчанье в важном споре

И возбуждать улыбку дам

Огнём неожиданных эпиграмм...

...Пред ним roast-beef

окровавленный,

И трюфли, роскошь юных лет,

Французской кухни лучший цвет

И Страсбурга пирог нетленный...

Узрю ли русской Терпсихоры

Душой исполненный полёт?

Иль взор унылый не найдёт

Знакомых лиц на сцене скучной...

Хоть снобы и гурманы обвинят меня в кощунстве, но что такое *Страсбурга пирог нетленный* и кто такая *Терпсихора*, следует пояснить немедленно прямо на этой же странице.

То стан совьёт, то разовьёт

И быстрой ножкой ножку бьёт.

Всё хлопает. Онегин входит,

Идёт меж кресел по ногам,

Двойной лорнет скосясь наводит

На ложи незнакомых дам;

Все ярусы окинул взором,

Всё видел: лицами, убором

Ужасно недоволен он;...

Сейчас бытует зафиксированное в журнальных статьях мнение, что в прошлом веке в слове *всё* буква *ё* никогда не печаталась. Это не соответствует действительности. В сти-

хотворении Г.Р. Державина “К арфе N.N.” слово *всё*, например, есть в “Аонидах” Н.М. Карамзина в третьей книжке, увидевшей свет в 1798 — 1799 годах, есть и раньше — в 1795 году. Тем более сейчас, когда буква *ять* исключена из алфавита, необходимо ставить точки над *ё* в слове *всё*, об этом, кстати, и в “Правилах русской орфографии и пунктуации” 1956 года сказано, да кто их, эти Правила, выполняет.

*...И чувств изнеженных отрада,
Духи в гранёном хрустале;
Гребёнки, пилочки стальные,
Прямые ножницы, кривые,
И щётки тридцати родов
И для ногтей и для зубов...*

Слово *гранёный*, без сомнения, следует печатать с буквой *ё*, потому что оно есть в “Аонидах” (кн. 3, стр.187) с забавной опечаткой:

Сыплется хрусталь гарнёный.

Это первая в истории буквы *ё* опечатка, причём сразу двойная, и нельзя не улыбнуться, увидев на последней 357-й странице: “Опечатки. Напечатано: гарнёнымъ, — Читай: гра-нёнНЫМЪ”. А должно-то быть: гранёННЫЙ.

Слова *гребёнки* и *щётки* тогда писались, а возможно, и произносились без *ё*. Во всяком случае у В.И. Даля написано *гребенки* и *щетки*. Ныне это выглядит и звучит весьма архаично. Если же мы сейчас напишем *гребёнки* и *щётки*, то это никак не повлияет на рифму и просодию строфы. Что же касается эвфонии (благозвучия), то уж, конечно, вряд ли *гребенки* и *щетки* прозвучат уместно, даже из уст современного выдающегося актёра.

*И рёвом скрипок заглушён
Ревнивый шёпот модных жён.*

У Даля есть *рёв*, у Пушкина было шопот и, конечно, не нужно изменять написание старинного имени Богини музыкальных инструментов. А зарифмованные слова *заглушён* — *жён* теперь совершенно естественны.

*Но, шумом бала утомленный
И утро в полночь обратя,
Спокойно спит в тени блаженной
Забав и роскоши дитя.
Проснётся за полдень, и снова
До утра жизнь его готова,
Однообразна и пестра.
И завтра то же, что вчера.*

Удивляешься, как же сейчас просто на компьютере поставить эти ударения и как они потом буквально автоматически “переедут” на книжную страницу.

*Прошла любовь, явилась Муза
И прояснился тёмный ум.*

Есть современные издания, в которых напечатано *муза*. Непонятно, зачем вопреки Пушкину это нужно так приземлить?

*Мелькали сёлы; здесь и там
Стада бродили по лугам,
И сени расширял густые
Огромный, запущенный сад,
Приют задумчивых Дриад.*

Слова *сёлы* и *запущенный* взяты из изданного отдельной изящной книжечкой в 1978 г. (М.: Детская литература, отв. ред. Н.В.Белякова) “Евгения Онегина”. Правда, там напечатано *сёла* и *дриад*, что явно недопустимо. Кто такие Дриады, нужно пояснить прямо на этой же странице.

*...Ярем он барщины старинной
Оброком лёгким заменил;...*

Если везде в “Онегине” будет расставлена буква ё, не потребуется, чтобы не ошибались, печатать *ярем*. А вот что касается слова *лёгким*, то обопрёмся на могучий авторитет академика Гаврилы Романовича Державина. В его сочинениях, изданных в 1798г., на странице 204, может быть, впервые в истории русской орфографии напечатано *лёгкіе скоки* (Университетская типография у Ридигера и Клаудия, Москва). И снимем шляпы перед теми, кто найдёт слово лёгкий, напечатанное раньше.

*Он с лирой странствовал на свете;
Под небом Шиллера и Гете,
Их поэтическим огнём
Душа воспламенилась в нём.*

Крайне важно здесь поставить ударение в антропониме Гете, хотя ясно, что правильно только *Гёте*, чтобы подчеркнуть право великого поэта на некоторые вольности.

*...И романтические розы;
Он пел те дальние страны`,
Где долго в лоно тишины
Лились его живые слёзы;..*

Слово *слёзы* впервые напечатано в 1797 г. во второй книжке “Аонид” (другое имя Муз) на 176 стр. у Николая Михайловича Карамзина со сноской, что буква ё означает звук io[^]. Слава Богу, так же, как здесь, у Пушкина напечатано ещё в нескольких местах поэмы.

*А ныне всё мне тёмно, Таня;
Что знала, то забыла. Да...*

Да, именно так: *всё мне тёмно*, напечатано во многих изданиях поэмы, и здесь остаётся только напомнить, что впервые слово *всё* было напечатано в 1795 г. в сочинениях И.И. Дмитриева. Сейчас же через 200 лет встречаются “Евгении Онегины”, где всё напечатано с буквой *e*, и смысл улавливается только после серьёзного анализа текста. Спасибо Вам, Иван Иванович. Может быть, Ваш пример послужит наукой редакторам Пушкина.

*Разлитый Ольгиной рукою
По чашкам тёмною струёю
Уже душистый чай бежал,
И сливки мальчик подавал;
Татьяна пред окном стояла,
На стёкла хладные дыша,*

*Так бедный мотылёк и блещет
И бьётся радужным крылом,
Пленённый школьным шалуном;...*

Мотылёк — одно из пяти слов, впервые напечатанных с буквой ё в 1796 г. в “Аонидах” (третье по счёту), содержится в стихотворении Василия Васильевича Капниста “Мотылёк”. Именно с *e*, что только подчёркивает технологические трудности типографии, которой нужно было изготовить всего одну литеру крупного кегля для заглавия стиха. И хлопотно это, и дорого. В том же 1796 г. *во градѣ св. Петра въ типографіи Государственной медицинской коллегіи* напечатаны были *Сочиненія Василія Капниста*. И вот в этой книге название стихотворения напечатано по-старому “МОТЫЛІо^K”.

*Но вы разрозненные томы
Из библиотеки чертей,
Великолепные альбомы,
Мученье модных рифмачей,
Вы, украшенные проворно
Толстого кистью чудотворной
Иль Баратынского пером,
Пушкой сожжёт вас Божий гром!
Когда блистательная дама*

*Мне свой in-quarto подаёт,
И дрожь и злость меня берёт,...*

Глаголы *пройдёт*, *берёт* и *принёс*, то есть глаголы с буквой *ё* впервые напечатаны в 1798 г. у Державина именно в такой очередности. Что же до ударений в этой строфе, то просто лишний раз убеждаешься, как же нужны ударения русской орфографии и здесь не нужно скупиться, ну, например:

*...Ничтожный призрак, иль еще
Москвич в Гарольдовом плаще,...*

Или:

*Случалось ли поэтам слезным
Читать в глаза своим любезным
Свои творенья? Говорят,
Что в мире выше нет наград.
Ведь ныне говорят только слёзный.*

Или:

*Со сна садится в ванну со льдом
И после, дома целый день,
Один в расчёты погружённый,
Тупым кием вооружённый,
Он на бильярде в два шара
Играет с самого утра.*

Буква *ё*, как правило, всегда подударна.

Позвольте ещё раз возвратиться к сакраментальному дуэту: *все* и *всё*.

*Всё указывает на неё,
И все кричат: моё! моё!*

Представьте себе написанные выше строчки без буквы *ё*, а такое делается ныне повсеместно, и станет горестно за русский язык. Ералаш вносится ужасающий. В уже цитируемом издании 1978 г. на странице 146 напечатано:

*“Там мужички-то всЁ богаты,
Гребут лопатой серебро;...”*

а у Пушкина здесь слово *все* написано с буквой *ять*, что даёт нам все основания сейчас напечатать *все*!

В работе известного лингвиста и языковеда Романа Осиповича Якобсона (1896 — 1982) “Заметки к “Альбому” Онегина”, который был написан в 1827 г. для седьмой главы, но самим Пушкиным изъят из типографии, содержится анализ строфы с парой: *всем* — *всём*.

*Вечор сказала мне R. C.:
Давно желала я вас видеть.
Зачем? — мне говорили все,
Что я вас буду ненавидеть.
За что? — за резкий разговор,
За легкомысленное мненье
О **всём**; за колкое презренье
Ко **всем**: однако ж это вздор.
Вы надо мной смеяться властны,
Но вы совсем не так опасны;
И знали ль вы до сей поры,
Что просто — очень вы добры?*

Можно было бы продолжать и продолжать, ведь Пушкин неисчерпаем, но остановимся, приведя здесь 14-строчную онегинскую строфу, в которой буква *ё* встречается аж 12 раз.

*Но в них не видно перемены;
Всё в них на старый образец:
У тётушки княжны Елены*

*Всё тот же тюлевый чепец;
Всё белится Лукерья Львовна,
Всё то же лжёт Любовь Петровна,
Иван Петрович так же глуп,
Семён Петрович так же скуп,
У Пелагеи Николавны
Всё тот же друг мосьё Финмуш,
И тот же шпиц, и тот же муж;
А он, всё клуба член исправный,
Всё так же смирен, так же глух,
И так же ест и пьёт за двух.*

Это ли не показатель, что буква *ѣ* по частоте требуемого применения на письме и, стало быть, в печати далеко опережает не только буквы *э, х, ф, ъ*, но, может быть, *ц* и *щ*.

Автор отдаёт себе полный отчёт о наличии серьёзных сложностей при печатании текстов XIX века с *ѣ*, а поэтому их подготовкой должны заниматься специалисты-филологи, знатоки языка и русской классической литературы, которые, слава Богу, имеются в нашей стране, в том числе и в рамках академических учреждений. Кроме того, следует помнить, что тексты прошлого века, в которых присутствуют сложности в различении *е* и *ѣ*, как раз и составляют тот золотой фонд русской литературы, на которых должны воспитываться наши дети. Многие из них и издаются для детей, а значит, уже печатаются с буквой *ѣ*. Следовательно, никаких сложностей с их всеобщим печатанием в таком виде нет.

Блестящим подтверждением этого служат появившиеся в 1999 г. сказки Пушкина с рисунками классика-иллюстратора детской книги Владимира Михайловича Конашевича (1888–1963) (издательство “Росмэн”, Москва). В книгу (60x90 1/8, 134 стр.) вошли четыре сказки: “О царе Салтане”, “О рыбаке и рыбке”, “О мёртвой царевне и о семи богатырях”, “О золотом петушке”. Тёплое и трогательное обращение к родителям и воспитателям принадлежит перу Константина Георгиевича Паустовского (1892–1968). В этой книге для взрослых, поскольку написано, что она “для дошкольного возраста”, поставлены не только все буквы *ѣ*, в том числе и в обращении Паустовского к родителям, но и огромное число ударений во всех сомнительных местах, где современный читатель может ошибиться и исказить пушкинскую просодию. За это нужно сердечно поблагодарить ответственного редактора А.Б. Сапрыгину.